

Къ оцѣнкѣ дѣятельности Тиверія Гракха.

Среди проблемъ изъ исторіи древнихъ народовъ, которыя, съ тѣхъ поръ какъ стали заниматься изученіемъ этой исторіи, обращаютъ на себя вниманіе какъ узкаго круга специалистовъ-историковъ, такъ и въ равной мѣрѣ болѣе широкихъ слоевъ образованнаго общества, чуть не первое мѣсто принадлежитъ вопросу о реформахъ братьевъ Гракховъ. Этотъ интересъ вполне понятенъ. Съ выступленія Гракховъ съ программой своихъ реформъ не только начинается острый кризисъ въ жизни всемірной римской державы, окончившійся послѣ столѣтней ожесточенной партійной борьбы побѣдою цезаризма, но и получаютъ свою опредѣленную, типичную формулировку тѣ социальныя и аграрныя вопросы, которые не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ древнемъ Римѣ играютъ свою роковую роль въ общественномъ строѣ всѣхъ возникшихъ впоследствии государствъ. Поэтому всякій, кто сознательно относился къ явленіямъ окружающей его дѣйствительности, интересовался, естественно, вопросомъ о зародышѣ и возникновеніи въ старину тѣхъ движеній, которыя волновали современную ему эпоху.

Историки, призванные, на первомъ мѣстѣ, дать отвѣтъ на этотъ запросъ общества, рѣшали поставленную имъ задачу, конечно, весьма различно, сообразно съ возрѣвіями и тенденціями эпохи, въ которую жили, съ собственными симпатіями и антипатіями и съ усиленнымъ пониманіемъ тѣхъ, отчасти отрывочныхъ и мало проверенныхъ, свѣдѣній, которыя остались намъ изъ древности о цѣляхъ и содержаніи законодательской и реформаторской дѣятельности Гракховъ. Народилась, такимъ образомъ, объемистая литература, которая съ современной точки зрѣнія представляетъ, по большей части, за немногими исключеніями, только историческій интересъ.

Чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга личнаго усмотрѣнія, произвольной выборки одной группы переданныхъ свѣдѣній, и та-

кого-же произвольнаго игнорированія другой, необходимо было, чтобы сначала историческая критика окрѣпла, выработала строгій методъ изученія нашего преданія и, такимъ образомъ, заложила фундаментъ, на который возможно было-бы опереться при рѣшеніи поставленной задачи. Этотъ трудъ выполнилъ съ обычнымъ мастерствомъ, хотя, конечно, и не безъ погрѣшностей въ деталяхъ, маститый историкъ древности Эдуардъ Мейеръ, и съ появленія его „*Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen*» (Halle 1894) начинается новый и болѣе надежный фазисъ въ разработкѣ проблемы о Гракхахъ.

Э. Мейеръ въ своемъ пространномъ изслѣдованіи приходитъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ выводамъ. Въ дошедшихъ до насъ болѣе или менѣе точныхъ и связанныхъ изложеніяхъ исторіи Гракховъ мы можемъ явно различать три главныхъ взгляда на дѣятельность Гракховъ; по одному, который мы находимъ проведеннымъ въ фрагментахъ Діодора, Гракхи—коихъ неподкупность, безстрашіе и способность жертвовать собой для друзей охотно признаются, сами виновны въ своей гибели и скоро получаютъ заслуженное наказаніе; ихъ мѣры съ *общегосударственной* точки зрѣнія считаются пагубными для Рима; Сципіонъ Назика, убившій собственноручно Тиверія Гракха, напротивъ, признается идеаломъ знатнаго римлянина, который умѣетъ съ твердостью и рѣшимостью отстаивать свои честныя политическія убѣжденія. Авторъ, которому слѣдуетъ Діодоръ, и который, какъ видно изъ фрагментовъ послѣдняго, писалъ весьма поэтичнымъ и картиннымъ слогомъ и рассказывалъ событія съ рѣдкимъ драматизмомъ—былъ знаменитый философъ и историкъ Посидоній; не будучи очевидцемъ тѣхъ катастрофъ, въ которыхъ погибли Гракхи, онъ, въ свою очередь, черпалъ изъ трудовъ современныхъ Гракхамъ историковъ, которые близко стояли къ кружку Сципіона Эмилиана, политическія убѣжденія котораго раздѣлялъ и восхвалялъ и Посидоній.

Авторомъ второго главнаго взгляда является историкъ, который смотритъ на событія съ *обще-италійской* точки зрѣнія и обнаруживаетъ при этомъ широкій политическій горизонтъ; цѣль его—показать, какъ италійское крестьянство, завоевавъ весь міръ, стало обездоленнымъ, и какъ великодушныя поцѣпки Гракховъ улучшить его положеніе только увеличили зло. Авторъ этого взгляда не

относится враждебно къ Гракхамъ, но онъ не во всемъ раздѣляетъ ихъ воззрѣнія и не во всемъ одобряетъ ихъ образъ дѣйствій; онъ жилъ, вѣроятно, въ эпоху непосредственно слѣдующую за Гракхами и близко стоялъ къ партіи Муція Спеволы, Красса Муціана и другихъ умѣренныхъ и сочувствующихъ реформамъ оптиматовъ. Трудомъ этого автора воспользовался, хоть и не непосредственно, Аппіанъ въ первыхъ главахъ первой книги своей исторіи междоусобныхъ войнъ и отчасти и Плутархъ, въ своихъ біографіяхъ Гракховъ.

Но Плутархъ по большей части слѣдуетъ источнику, авторъ котораго является представителемъ третьяго главнаго взгляда на Гракховъ: онъ интересуется на первомъ мѣстѣ ихъ личностью, стоитъ всецѣло на ихъ сторонѣ и оправдываетъ ихъ образъ дѣйствій.

Особенно рельефно выступаетъ различіе этихъ трехъ главныхъ взглядовъ въ передачѣ и описаніи отдѣльныхъ событій—напр., въ разсказѣ о непосредственной причинѣ гибели младшаго Гракха: по Діодору (Посидонію) поводомъ къ катастрофѣ служилъ фактъ, что Кай Гракхъ въ гнѣвѣ сначала толкаетъ нѣкоего Квинта Антилла,—который, принадлежа прежде къ числу его друзей, колѣнопреклонно умоляетъ его въ день рокового народнаго собранія, въ который должна была рѣшиться участь колоніи Юноніи, ничего не предпринимать противъ отечества,—а затѣмъ отдаетъ приказаніе его убить: по Аппіану, это убійство является результатомъ недоразумѣнія со стороны друзей Гракха, невѣрно истолковавшихъ гнѣвный взоръ Кая Гракха, который тотъ направилъ на просителя; по Плутарху, наконецъ, этотъ Антиллъ является слугою враждебнаго Гракху консула Опимія, и первый безъ причины ругалъ и толкалъ приверженцевъ Гракха и поэтому палъ жертвой ихъ понятнаго раздраженія.

Римскіе историки, Титъ Ливій и болѣе поздніе, восходятъ также во всемъ, что касается передачи и группировки матеріала, къ тому же демократическому источнику, которымъ по преимуществу пользовался Плутархъ, хотя у нихъ тенденція совершенно иная; они всецѣло являются сторонниками сената и усматриваютъ въ Гракхахъ виновниковъ гибели римской республики. Что эти историки основываются не на Посидоніи или на другомъ источникѣ изъ враждебнаго Грак-

хамъ лагеря, по Э. Мейеру объясняется тѣмъ, что въ то время, когда писалъ Т. Ливій, этотъ демократическій источникъ занималъ весьма видное мѣсто въ римской исторической литературѣ.

По мнѣнію Э. Мейера, первоисточники, въ которыхъ проведены были эти три различныхъ взгляда на дѣятельность Гракховъ, написаны были въ эпоху самихъ Гракховъ или въ непосредственно слѣдующую за нею. Мы знаемъ, что тогда рядъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, какъ Фанній, Семпроній Азеллій, Ругилій Руфъ и другіе, занимались составленіемъ исторій своего времени, или своихъ воспоминаній.

Авторы сами были близки къ событіямъ и поэтому непосредственно пользовались законами, сенатскими постановленіями, рѣчами и письмами дѣйствующихъ въ этой драмѣ лицъ и весьма хорошо знакомы были съ возрѣніями борющихся тогда партій; это ихъ отношеніе къ своему матеріалу явствуетъ отчасти еще изъ довольно бѣглыхъ и неумѣлыхъ извлеченій, которыя мы имѣемъ у Діодора, Аппіана, Плутарха. Поэтому, Мейеръ высоко ставитъ авторовъ этихъ первоисточниковъ нашей традиціи, считаетъ эту потерянную историческую литературу богатой и цѣнной и полагаетъ, что и изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ, разъ установлены тенденція и характеръ каждой группы нашего преданія, возможно еще возстановить дѣйствительный ходъ и смыслъ совершившихся событій и правильно ихъ освѣтить.

На этотъ замѣчательный трудъ Э. Мейера написалъ рецензію извѣстный геттингенскій профессоръ древней исторіи Э. Шварцъ (*Göttingische Gelehrte Anzeigen*, 1896, стр. 792 слѣд.); онъ внесъ одну довольно существенную поправку къ выводамъ Э. Мейера; ибо онъ вполнѣ основательно доказалъ, что плутарховская характеристика Гракховъ не восходитъ къ современному имъ демократическому источнику, а прошла черезъ горнило риторической школьной традиціи и поэтому лишена того значенія, которое Мейеръ склоненъ ей придать.

Остальныя же возраженія Шварца противъ положеній Мейера весьма мало основательны; онъ расходится съ Мейеромъ въ оцѣнкѣ современныхъ Гракхамъ историковъ и полагаетъ, что и они уже всѣ были заражены духомъ риторики; но его единственный доводъ

въ пользу этого мнѣнія—то обстоятельство, что жившій и писавшій въ этотъ періодъ Целій Антипатръ находился, судя по сохранившимся фрагментамъ, подъ вліяніемъ тенденцій риторики. Но ясно же, что примѣръ сына греческаго, повидимому, вольноотпущенника, никогда не выступавшаго въ государственной службѣ и не занимавшагося государственными дѣлами, еще не доказываетъ, что и тѣ выдающіеся и знатные римскіе политическіе дѣятели, какъ Фанній, Рутилій Руфъ и т. д., которые на досугъ, по окончаніи своей государственной карьеры, написали исторію своего времени и свои воспоминанія, должны были держаться тѣхъ риторическихъ принциповъ, которые легли въ основаніе труда Целія.

И еще менѣе убѣдительно попытка Шварца дискредитировать авторитетность источника Анпіана, которая совершенно справедливо высоко ставится Мейеромъ. По Шварцу, этотъ источникъ—трудъ автора лишь времени Августа, и этотъ несомнѣнно даровитый авторъ сочинилъ, по Шварцу, историческій романъ, какъ видно изъ того, что онъ приписываетъ «соціалъ-революціонеру» Тиверію Гракху цѣль возсоздать римскую армію и тенденціи импералистической политики, направленной на расширеніе и упроченіе римскаго всемірнаго владычества. Эти цѣли, по Шварцу, выступаютъ въ римской политической жизни лишь во время принципата Августа и по своему существу чужды дѣятельности всякаго «соціалъ-революціонера».

Мы въ этомъ утвержденіи имѣемъ наглядный примѣръ, какъ опасно переносить понятія нашего времени и характерныя теперь черты той или другой общественной группы или партій, безъ всякихъ оговорокъ, и на античность и брать ихъ мѣриломъ для сужденія объ отношеніяхъ, существовавшихъ въ давно минувшія времена. Что «антимилитаризмъ» нынѣшнихъ соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ не составляетъ основной части платформы ихъ предшественниковъ въ древности, доказывается наглядно примѣромъ спартанскаго царя Клеомена III; болѣе ярко опредѣленнаго соціалъ-революціонера отыскать трудно, а между тѣмъ одною изъ главныхъ цѣлей его радикальныхъ реформъ было возсозданіе спартанской арміи. Милитаризмъ и взгляды на него въ древности такъ существенно различались отъ намъ современныхъ, что и отношенія прежнихъ

соціалъ-революціонеровъ къ нему должны были быть иныя, чѣмъ нынѣшнихъ представителей аналогичныхъ общественныхъ тенденцій.

Но былъ ли, помимо всего этого, Тиверій Гракхъ дѣйствительно «соціалъ-революціонеромъ», какъ его называетъ Шварцъ? Это утверженіе Шварца дало поводъ третьему, не мѣнѣе извѣстному историку-ислѣдователю древняго міра Р. Пельману, выступить съ трудомъ, посвященнымъ специально этому вопросу. (*Sitzungsberichte der philosoph.-philol. und der hist. Klasse der Kgl. bayer. Akademie der Wissenschaften 1907. Heft III*; перепечатано въ его «*Aus Altertum und Gegenwart*» Neue Folge 1911 подъ заглавіемъ: «*Tiberius Gracchus als Socialreformer*»). Пельманъ ставитъ себѣ цѣлью доказать, въ противоположность не только Шварцу, но и сужденіямъ Моммзена, что въ дѣятельности Тиверія Гракха нѣтъ признаковъ революціонности; онъ, по мнѣнію Пельманна, (который въ сущности возвращается къ взглядамъ, высказаннымъ до него уже К. Нейманномъ: «*Geschichte Roms während des Verfalls der Republik*» (Breslau 1881), но гораздо талантливѣе своего, имъ не названнаго, предшественника отстаиваетъ и защищаетъ свое положеніе)—никогда при проведеніи своей реформы не отступалъ отъ законной почвы, не нарушалъ ни въ чемъ римской конституціи и такимъ образомъ является соціалъ-реформаторомъ въ чистѣйшемъ видѣ, между тѣмъ какъ только противники Гракха, представители сенатской партіи являются виновниками насилія и пролитой гражданской крови и этимъ инаугурировали эру римской революціи. Страстно и талантливо написанная Пельманномъ апологія Тиверія Гракха произвела, повидимому, сильное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, многіе изъ ученыхъ, имѣвшихъ случай высказаться по этому вопросу послѣ Пельманна, между прочимъ, напримѣръ, Э. Фельсбергъ въ своей добросовѣстной и хорошо разработанной диссертациі «*Братья Гракхи*» (Юрьевъ 1910), находятся подъ явнымъ обаяніемъ этой апологіи Пельманна.

Вотъ это-то положеніе вещей, это діаметральное разногласіе двухъ видныхъ историковъ въ оцѣнкѣ дѣятельности Тиверія Гракха, послѣ того, какъ прочные фундаменты для этой оцѣнки, казалось, были положены въ основательномъ разборѣ нашей традиціи Э. Мейеромъ, заставляетъ меня подвергнуть краткому пересмотру данный

вопросъ. Я далека отъ намѣренія вновь изложить всю исторію періода Гракховъ, поэтому и воздерживаюсь, по возможности, отъ приведенія и разбора многочисленной новой литературы и отъ ссылки на источники; весь этотъ ученый аппаратъ читатель найдетъ, при желаніи, въ обстоятельной, выше названной диссертациі Э. Фельсберга. Моя цѣль гораздо скромнѣе; меня здѣсь интересуетъ только проблема, какъ мы, въ виду этой рѣзкой разницы во взглядахъ выдающихся представителей исторической науки, должны дѣйствительно на основаніи совокупности всѣхъ данныхъ судить о дѣятельности Тиверія Гракха? Такъ какъ я уже давно, при своихъ занятіяхъ исторіею Рима, относительно этого вопроса дошелъ до выводовъ, которые разнятся отъ сужденій какъ Шварца, такъ и Пельманна, но при этомъ, можетъ быть, являются нейтрализаціею или, въ извѣстномъ смыслѣ, примиреніемъ этихъ на видъ такъ противоположныхъ взглядовъ, то и позволю себѣ въ возможно сжатомъ видѣ развить здѣсь свою точку зрѣнія на дѣло.

Мы располагаемъ достаточно многими и провѣренными свѣдѣніями относительно происхожденія, воспитанія, молодости и прошлаго Тиверія Гракха до его трибуната, чтобы считать предположеніе, будто онъ стремился съ самаго начала, по сложившимся у него убѣжденіямъ, къ насильственному ниспроверженію существующаго строя весьма маловѣроятнымъ и не обоснованнымъ.

Происходя изъ богатой и знатной семьи нобилитета, получивши прекрасное и тщательное воспитаніе и образованіе подъ руководствомъ извѣстныхъ учителей, Тиверій Гракхъ рано началъ обычную въ его средѣ государственную карьеру и, при его связяхъ, при личномъ дарованіи и талантѣ, могъ рассчитывать на блестящую будущность, на руководящую роль въ государствѣ. Это не разорившійся аристократъ, вроде Катилины, который только при общемъ переворотѣ могъ рассчитывать выйти изъ безвыходнаго положенія и найти удовлетвореніе своему безграничному честолюбію, это не «выскачка» (*homo novus*), котораго желаніе пробить себѣ дорогу толкаетъ на путь революціи. Тиверій Гракхъ принадлежитъ, напротивъ, къ той средѣ просвѣщенныхъ оптиматовъ-сенаторовъ, которую мы привыкли называть кружкомъ Сципіоновъ, — къ средѣ лицъ, съ которыми его соединяли связи близкаго родства и свойства, къ

средѣ лицъ, которыя давно уже убѣждены въ необходимости принятія мѣръ для предотвращенія внутренняго государственнаго разложенія, симптомы котораго были на лицо, и которыя только еще не знали или не рѣшались, какъ взяться за коренныя реформы.

Хотя послѣ его испанской квестуры, его личныя отношенія къ одному изъ видныхъ членовъ этой группы, къ мужу его сестры Сципіону Эмилиану, стали болѣе холодными или даже натянутыми — онъ ему приписалъ вину, что сенатъ не утвердилъ договора, заключеннаго при его ближайшемъ содѣйствіи съ нумантіяцами послѣ капитуляціи войскъ Манціана — однако Тиверій Гракхъ и послѣ постигшей его неудачи, которая, впрочемъ, для него лично никакихъ послѣдствій не имѣла, не прервалъ своихъ сношеній съ этой группою сената и вмѣстѣ съ своимъ тестемъ Аппіемъ Клавдіемъ и извѣстными юристами того времени, Крассомъ Муціаномъ и Муціемъ Сцеволой, консуломъ 133 года, намѣтилъ планъ реформы, который намѣренъ былъ провести въ томъ же 133 году, во время своего трибуната. Когда онъ отправился для исправленія своей квесторской должности въ Испанію, онъ, пробѣгая черезъ Этрурію, могъ воочию убѣдиться въ томъ, какъ исчезло мелкое крестьянство, какъ латифундіи со своими парками, лугами, стадами и рабами заняли и поглотили тѣ мѣстности, гдѣ нѣкогда существовали цвѣтуція крестьянскія усадьбы и поселенія. А передъ Нуманціею онъ также воочию могъ убѣдиться въ дезорганизаціи славнаго нѣкогда римскаго войска, вызванной недостаткомъ крестьянскаго элемента въ войскѣ и замѣною его городскимъ пролетаріатомъ. Это исчезновеніе крестьянства въ Италіи, это разстройство римской арміи, поведшее къ позорной сдачѣ передъ Нуманціею, заставило Тиверія Гракха, какъ вѣрно подчеркиваетъ Аппіанъ, на первомъ мѣстѣ и прежде всего подумать о принятіи мѣръ, которыя могли бы устранить или по крайней мѣрѣ удержать въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи это пагубное для государства явленіе. Въ цѣляхъ государственной обороны, въ цѣляхъ оздоровленія Италіи и Рима необходимо было заботиться о подкрѣпленіи и возстановленіи сословія мелкихъ крестьянъ-собственниковъ.

Для осуществленія этой цѣли Тиверій Гракхъ внесъ предложеніе, несомнѣнно вполне законное и очень далекое отъ какихъ-нибудь революціонныхъ тенденцій, а именно: возобновить никогда

не отмѣненный, хотя, повидимому, забытый и не соблюдаемый законъ, по которому никто изъ гражданъ не долженъ былъ имѣть въ своемъ пользованіи (occupatio) больше, чѣмъ 500 югеровъ (прибл. 115 десят.) государственной земли.

Этотъ-то старинный законъ, который еще тридцать лѣтъ тому назадъ цитируется Катонъ, какъ не потерявшій своей законной силы, хотя и не соблюдавшійся и не примѣнявшійся, Тиверій Гракхъ предложилъ смягчить добавленіемъ — чтобы поссессоръ, имѣющій взрослыхъ сыновей, имѣлъ право для двухъ изъ нихъ удержать еще по 250 югеровъ въ своемъ владѣніи. Освободившаяся послѣ точнаго примѣненія этого закона государственная земля должна была быть разбита на участки въ 30 югеровъ и распределена въ неотчуждаемое владѣніе или «наслѣдственную аренду» между безземельными римскими гражданами, и при этомъ должна была быть взимаема какая-нибудь ничтожная плата въ казну, не какъ доходная статья, а лишь какъ доказательство, что земля принадлежит государству. Имѣлось ли еще въ виду выдавать прежнимъ поссессорамъ извѣстное денежное вознагражденіе за меліоризацію и за постройки на уступленныхъ земляхъ, какъ это утверждаетъ Плутархъ, можетъ въ виду несомнѣнно апологетической тенденціи его источника казаться сомнительнымъ; во всякомъ случаѣ, если имѣлось первоначально это вознагражденіе въ виду, эта мысль при проведеніи закона была оставлена.

Какъ бы то ни было, предложеніе Тиверія Гракха слѣдуетъ признать, какъ съ точки зрѣнія древняго міра, такъ и съ точки зрѣнія нашего времени, когда распределеніе казенныхъ земель между безземельными крестьянами принадлежитъ къ самымъ зауряднымъ явленіямъ, мѣрой не радикальной и мѣрой соответствующей прямымъ интересамъ государства. Однако, вполне понятно съ другой стороны, что это предложеніе, защищаемое Тиверіемъ Гракхомъ на предварительныхъ народныхъ собраніяхъ съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ, о которомъ можно еще судить по сокращеннымъ рефератамъ Плутарха и Аппіана, вызвало сильную оппозицію.

Дѣло шло, какъ показываетъ конечный результатъ, о довольно значительныхъ измѣненіяхъ въ имущественномъ положеніи римскихъ гражданъ. Мы имѣемъ у Ливія (ер. 59 и 60) извѣстіе, на-

прасно Белохомъ (Bevölkerung der griech.-röm. Welt, 312 ст.) заподозрѣнное, что въ промежутокъ времени отъ 131 до 125 г. число «*civium capita*» увеличилось отъ 318,823 до 394,736, т. е. на 76 тысячъ съ лишнимъ. Это быстрое и значительное увеличеніе гражданскаго народонаселенія въ сравненіи съ застоємъ прироста въ предыдущіе цензовые періоды объясняется, какъ это давно уже установилъ Герцогъ (Geschichte und System der röm. Staatsverfassung I, стр. 459) и безъ основанія оспаривается Белохомъ, Фельсбергомъ и другими, тѣмъ, что въ цензовые списки, совершенно естественно, не включались пролетаріи: теперь, послѣ реформы Гракха, свыше 70 тыс. человекъ перестали быть пролетаріями и слѣдовательно заносились въ списки цензоровъ. Итакъ мы имѣемъ полное право утверждать, что, если и учесть естественный приростъ населенія за пятилѣтіе, дарованіе свободы бывшимъ рабамъ и т. д., все же земельными, надѣлами увеличено было число «*capita civium*» выше чѣмъ на 60 тысячъ человекъ: Такъ какъ каждый изъ нихъ получилъ по 30 югеровъ, то распределенная, отнятая у прежнихъ посессоровъ земля равнялась 1,800,000 югерамъ (415,000 десятинамъ). Поэтому матеріальная потеря, которая угрожала отъ аграрнаго закона Тиверія Гракха владѣвшимъ до сихъ поръ этими земельными угодіями посессорамъ была, во всякомъ случаѣ, довольно чувствительна. Конечно, нельзя хотъ и приблизительно установить, между какимъ числомъ гражданъ должна была распределиться эта потеря: но рискованно, утверждать какъ это дѣлали, что число ихъ было очень невелико. А если это утверженіе правильно, что потеря распределилась между небольшимъ числомъ посессоровъ, то она для каждаго въ отдѣльности должна была быть тѣмъ болѣе чувствительна: вѣдь 415,000 десятинъ не чечевичная похлебка. Противодѣйствіе этихъ, хотя и немногихъ, но вліятельныхъ лицъ поэтому понятно. Но, конечно, считаться съ этими посессорами законодатель и общественное мнѣніе въ Римѣ не имѣли повода; вѣдь они кормились у общеннаго пирога долго и незаконно—пора имъ честь знать. Гораздо болѣе серьезными и существенными были другія возраженія противъ проекта Тиверія Гракха. Старый законъ о нормѣ числа югеровъ при оккупации государственной земли давно былъ

забыть и вышелъ изъ употребленія: границы поэтому между частно-земельной собственностью и оккупированной государственной землею нерѣдко слились, особенно если эта оккупация относилась къ временамъ до самнитскихъ войнъ.

Участки, усадьбы переходили изъ рукъ въ руки не только по наслѣдству, но очень часто и путемъ покупки; межевыхъ книгъ, нотаріальныхъ актовъ и тому подобныхъ документовъ въ тѣ времена не существовало: нерѣдко бывали случаи, что тотъ или другой путемъ покупки приобрѣталъ участокъ земли, который въ дѣйствительности могъ оказаться и оказывался казеннымъ. Что подобные случаи дѣйствительно были нерѣдки, доказательствомъ того служить тотъ фактъ, что сейчасъ же послѣ избранія комиссіи для распределенія казенныхъ земель между неимущими, оказалось необходимымъ предоставить ей судебныя полномочія для рѣшенія споровъ относительно вопроса, является ли данный участокъ частной собственностью или казенной землею. Опасенія всѣхъ землевладѣльцевъ, которые не имѣли неоспоримыхъ доказательствъ и документовъ относительно частнаго характера своей собственности, что имъ грозитъ возможность лишиться своихъ благоприобрѣтенныхъ или унаслѣдованныхъ земель, поэтому были до извѣстной степени понятны.

Такое положеніе вещей естественно должно было увеличить сомнѣнія въ цѣлесообразности предложенія Тиверія Гракха: возникъ вопросъ, дѣйствительно ли въ интересахъ государства для того, чтобы вновь создать крестьянское сословіе, съ другой стороны потрясать матеріальное положеніе многихъ изъ теперешнихъ собственниковъ, да въ пныхъ случаяхъ совершенно, можетъ быть, ихъ разорять: они до сихъ поръ служили опорой для государственнаго организма; между тѣмъ могло показаться весьма сомнительнымъ, удастся ли попытка Тиверія Гракха превратить часть городского пролетаріата въ жизнеспособное крестьянство. Конечный результатъ, что многіе, получившіе надѣлы, какъ только впоследствии было снято запрещеніе относительно перепродажи, охотно продавали свои участки и снова переселялись въ столицу, показываетъ, что эти сомнѣнія не были лишены всякаго основанія.

И, наконецъ, государственная земля находилась въ оккупации не только у римской знати, а допущены были, въ свое время, послѣ

войны съ Пирромъ и второй пунической войны, особенно на югѣ Италіи, къ оккупаци и римскіе союзники. Тѣ безъ того уже испытывали разныя стѣсненія и затрудненія; ихъ привлекали къ военной службѣ при постоянныхъ войнахъ въ гораздо болѣе значительной мѣрѣ, чѣмъ гражданъ; правами гражданскими въ Римѣ они не пользовались, при распределеніи добычи ихъ обижали, изъ Рима выгоняли: если теперь отнять у нихъ казенныя земли и отдать ихъ по участкамъ не бѣднымъ союзникамъ, а опять таки гражданамъ, какъ гласило предложеніе Тиверія Гракха, то ясно, что надо было имъ или дать другія существенныя компенсаціи, или же опасаться, что существующее уже неудовольствіе и броженіе среди союзниковъ приметъ весьма острую форму.

Вопросы аграрный и союзнической тѣсно связаны между собою, какъ ясно доказываютъ дальнѣйшія событія. Итакъ, не только грубо-матеріальные интересы кучки испорченной римской знати, какъ это полагаетъ Пельманнъ, вызвали оппозицію противъ проекта Тиверія Гракха, но и безкорыстныя побужденія идейно-государственнаго и политическаго характера заставили многихъ относиться съ осторожностью и даже отрицательно къ планамъ юнаго народнаго трибуна.

Всѣ эти сомнѣнія и опасенія, конечно, такъ же живо обсуждались послѣ обнародованія проекта Тиверія Гракха, какъ и доводы говорившіе въ пользу этого проекта и въ окончательномъ результатѣ вылились въ форму официального протеста одного члена коллегіи трибуновъ, Октавія, противъ голосованія предложенія Тиверія Гракха въ народномъ собраніи. Несомнѣнно было, что большинство населенія было на сторонѣ Тиверія Гракха, да даже многіе изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи выступили ярыми противниками Гракховъ — мы это потомъ докажемъ на одномъ весьма рельефномъ примѣрѣ — сочувствовали его аграрной реформѣ. Но протестъ трибуна былъ заявленъ, и по основному принципу римскаго государственнаго права, по которому среди коллегіи должностныхъ лицъ запретительная власть сильнѣе, чѣмъ власть инициативы — *par potestas plus valet*, — законопроектъ въ текущемъ году до снятія этого протеста не могъ быть подвергнутымъ голосованію. Съ правовой точки зрѣнія вопросъ о мотивахъ этого протеста со стороны Октавія вполне безразличенъ — онъ имѣетъ лишь бытовую интересъ: демократическая традиція сообщаетъ, либо, что Октавій самъ былъ крупнымъ

поссессоромъ, либо, что онъ былъ подкупленъ сенатской знатью— невольно вспоминаются многочисленныя обвиненія извѣстной части нашей правой прессы противъ либеральныхъ дѣятелей нашего времени, что они подкуплены «еврейскими деньгами» — но отношенія самаго Тиверія Гракха, а затѣмъ и Кая Гракха и его партіи къ Октавію не говорятъ въ пользу этой традиціи. Тиверій Гракхъ старался сначала уговорить Октавія взять свой протестъ назадъ; когда тотъ остался непоколебимымъ, онъ въ бурномъ народномъ собраніи развилъ теорію, что трибунъ, дѣйствующій противъ ясно выраженной воли и противъ явныхъ интересовъ народа, не достоинъ званія народнаго трибуна, и предложилъ голосованіемъ рѣшить вопросъ объ устраненіи Октавія отъ должности. Всѣ тридцать пять трибъ вынесли рѣшеніе согласно предложенію Тиверія Гракха; Октавій былъ лишень званія трибуна, на его мѣсто избравъ другой, конечно сторонникъ Тиверія Гракха, и теперь за отсутствіемъ протеста, аграрный законъ Гракха былъ предложенъ на голосованіе и принять народнымъ собраніемъ.

Этотъ образъ дѣйствій Тиверія Гракха нашель весьма различную оцѣнку со стороны новыхъ историковъ. Нибуръ въ своихъ лекціяхъ по римской исторіи (Vorträge über röm. Gesch. II, 279) высказалъ сужденіе, что этотъ образъ дѣйствій Тиверія Гракха былъ противъ буквы, но въ духѣ римской конституціи; юный Моммзенъ въ своей «Римской исторіи», (II⁸, 93) назвалъ этотъ поступокъ революціоннымъ какъ противъ буквы, такъ и противъ духа римскихъ институтовъ; старый Моммзенъ, въ своемъ «Римскомъ государствениомъ правѣ» (I³, 630) измѣнилъ свой взглядъ въ томъ отношеніи, что настаивалъ только на несоотвѣтствіи поступка Гракха съ духомъ конституціи, между тѣмъ, какъ во всемъ, по его мнѣнію была соблюдена буква закона; третья очень многочисленная группа ученыхъ—назову здѣсь, какъ ея представителя лишь Пельманна (Aus Altertum u. Gegenwart, Neue Folge, 144), наконецъ, считаетъ поступокъ Гракха, наоборотъ, какъ съ формальной стороны совершенно законнымъ, такъ и вполне согласнымъ съ духомъ конституціи, который требовалъ удаленія трибуна, дѣйствовавшаго противъ интересовъ своего довѣрителя-народа.

При такомъ разногласіи взглядовъ самыхъ извѣстныхъ новыхъ историковъ необходимо вкратцѣ остановиться на выясненіи этого вопроса, тѣмъ болѣе, что отъ его рѣшенія почти всецѣло зависить правильная оцѣнка дѣятельности Тиверія Гракха вообще.

Такъ какъ новые историки въ данномъ вопросѣ различаютъ между буквою закона и духомъ институтовъ, то цѣлесообразно будетъ рассмотреть спорный вопросъ съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія.

Что касается формальной стороны то, по моему, указаніе на верховный суверенитетъ народа, воля котораго находила свое выраженіе въ постановленіяхъ народныхъ собраній, или ссылки на принципъ «*quibus modis adquirimus, iisdem in contrarium actis amittimus*» (Навель, Д. 50, 17, 153), никакъ не могутъ сами по себѣ доказать правильность и законность отрѣшенія Октавія отъ должности. Ибо, изъ того неоспоримаго факта, что народъ является «легальнымъ сувереномъ» въ римскомъ государствѣ, отнюдь еще не вытекаетъ принципъ «непосредственнаго народнаго суверенитета»; этотъ принципъ прокламируется только Тиверіемъ Гракхомъ, который этимъ вноситъ, по мѣткому выраженію Керста (*Histor. Vierteljahrschrift* 1904, 326) «вполнѣ революціонный моментъ» въ политическую жизнь Рима. Народъ, повторяю, несомнѣнно былъ легальный суверень, но такъ какъ аппаратъ народнаго собранія является слишкомъ тяжеловѣснымъ, чтобы нести функціи государственнаго управленія, то суверенный народъ по необходимости, по вѣрному опредѣленію Помпонія, (1, 2) переуступилъ опредѣленной корпораціи, сенату, и отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ, облеченнымъ народнымъ довѣріемъ на опредѣленное время и для опредѣленныхъ функцій, часть своего верховнаго суверенитета и этимъ лишилъ себя, до известной степени возможности непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла управленія.

Указаніе, такимъ образомъ, на народный суверенитетъ вообще не помогаетъ намъ разобраться въ вопросѣ, было-ли формально допустимо или недопустимо устраненіе Октавія отъ должности до окончанія срока его полномочій: необходимо изслѣдовать, какъ въ Римѣ въ дѣйствительности относились къ вопросу о положеніи и смѣняемости должностныхъ лицъ. Ибо и ссылка на принципъ, «что тотъ, кто даетъ извѣстныя полномочія, можетъ ихъ и отнимать», намъ не

подсказываетъ рѣшеніе даннаго вопроса, такъ какъ извѣстно, что этотъ общій принципъ примѣняется и примѣнялся въ различныя времена и въ различныхъ государствахъ весьма различно; у насъ, на примѣръ, министръ народнаго просвѣщенія назначаетъ по дѣйствующему уставу профессоровъ университета и по своему усмотрѣнію можетъ ихъ устранить: примѣры такихъ устраненій всѣмъ памяты; въ Пруссіи министръ тоже назначаетъ по дѣйствующему закону профессоровъ университета, но устранить ихъ уже не зависитъ отъ его усмотрѣнія. Итакъ, по общимъ соображеніямъ судить объ интересующей насъ проблемѣ, повидимому, нельзя: надо совершенно реально поставить вопросъ: какъ въ Римѣ относились къ смѣняемости должностныхъ лицъ, какими гарантіями обставлена была ихъ самостоятельность?

Весь матеріалъ по вопросу о смѣняемости магистратовъ (*abrogatio*) собранъ въ статьѣ Нейманна: (*P.-W. Realencyklopädie* I, 111 слѣд.). Изъ этого матеріала ясно видно, что римской государственной практикѣ болѣе древняго времени вполне чужда смѣняемость магистратовъ; первыя попытки въ этомъ направленіи сдѣланы были отдѣльными трибунами съ конца второй пунической войны, и то не по отношенію къ негоднымъ для нихъ ординарнымъ магистратамъ, а лишь промагистратамъ; первая такая попытка, которая увѣнчалась успѣхомъ относится къ 137 году. Проконсулъ Маркъ Эмилий Лепидъ тогда лишенъ былъ своей команды въ Испаніи въ войнѣ противъ Вакцеевъ. Но этотъ случай никакъ не можетъ разсматриваться какъ прецедентъ для устраненія Октавія. Между положеніемъ магистрата, избираемаго народомъ на опредѣленный срокъ, и промагистрата, получающаго отъ *сената* продленіе своей власти для опредѣленной цѣли—веденія войны, завѣдыванія провинціею—существуетъ, конечно, громадная разница. Послѣднему не народъ самъ, а сенатъ даетъ извѣстное порученіе, часто даже безъ обозначенія срока, хотя и здѣсь обычный годичный срокъ является правиломъ. Если данный промагистратъ не оказывается въ состояніи, какъ это было съ Лепидомъ, выполнить данное ему порученіе, то устраненіе его, и замѣна его другимъ полководцемъ является дѣломъ нормальнымъ; нельзя же было въ угоду обычному, но нигдѣ закономъ не фиксированному сроку полномочій промагистрата,—ибо мы

имѣемъ случаи что промагистраты остаются въ своей провинціи отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ,—рисковать судьбою римскаго войска.

Что мы, на всемъ протяженіи римской исторіи до Гракховъ имѣемъ только этотъ одинъ случай дѣйствительнаго устраненія промагистрата до истеченія обычнаго годового срока его полномочій, хотя, конечно, негодные управители, и мало способные военачальники нерѣдко встрѣчались между этими промагистратами, доказываетъ, какъ строго, въ общемъ, даже при промагистратурѣ соблюдался принципъ несмѣняемости должностныхъ лицъ. Итакъ, устраненіе Октавія первый засвидѣтельствованный намъ случай «abrogatio» магистрата въ римской исторіи, онъ является чѣмъ-то совершенно новымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣннымъ результатомъ провозглашеннаго Тиверіемъ Гракхомъ принципа непосредственнаго народнаго суверенитета. Если, тѣмъ не менѣе, Моммзень, измѣняя свой первоначальный взглядъ на вопросъ, въ своемъ «Римскомъ государственномъ правѣ» высказываетъ мнѣніе «что эпизодъ съ Октавіемъ именно тѣмъ замѣчательнъ, что тамъ во всемъ была соблюдена буква закона», то единственной причиной для такого измѣненія своего прежняго убѣжденія служить, какъ видно изъ аргументаціи Моммзена, то наблюденіе, что при предложеніи Тиверія Гракха ни одинъ изъ коллегъ Октавія не заявилъ своего протеста. Однако, Моммзень при этомъ забываетъ что молчаніе не всегда знакъ согласія. Дѣйствительно, кому же было выступить съ протестомъ въ народномъ собраніи, гдѣ волненіе и страсть достигли уже своего кульминаціоннаго пункта? Если бы и тотъ, или другой изъ народныхъ трибуновъ, которые, впрочемъ, всѣ сочувствовали аграрному законопроекту Гракха, считаль его образъ дѣйствій незаконнымъ, то выступленіе его съ протестомъ было-бы прямо донкихотствомъ. Другого результата отъ этого, конечно, не получилось бы, чѣмъ тотъ, что взволнованный народъ устранилъ-бы, вмѣсто одного, двухъ народныхъ трибуновъ отъ должности.

Среди сенаторовъ, которые не имѣли законныхъ средствъ препятствовать этому голосованію, раздались непосредственно затѣмъ голоса, какъ показываетъ переданный традиціею эпизодъ съ Аннэемъ Лускомъ, которые открыто обвинили Тиверія Гракха въ нарушеніи

конституціи, и Плутархъ сохранилъ намъ извлеченіе изъ оправдательной, по этому поводу рѣчи Тиверія Гракха, содержаніе которой Момзенъ охарактеризовалъ словомъ «недостойной софистикой», и, относительно которой даже Пельманъ согласился (I. с. 144), что «аргументація Тиверія Гракха у Плутарха даетъ поводъ къ возраженіямъ». Итакъ, съ формальной точки зрѣнія, поступокъ Тиверія Гракха вовсе не является какимъ-нибудь, чуть не обыденнымъ, вполне соответствующимъ римской государственной практикѣ случаемъ, какъ увѣряютъ насъ апологеты Тиверія Гракха: напротивъ, это *первый* примѣръ отрѣшенія римскаго магистрата отъ должности, примѣръ, который осуждался, какъ незаконный со стороны, по крайній мѣрѣ, части современниковъ Гракха, и который находился въ рѣзкомъ противорѣчій съ тѣми гарантіями, которыми вообще обставлены были римскіе должностныя лица. Если вспомнить, что по римскому государственному праву всякій даже политическій и уголовный процессъ, возбужденный уже противъ извѣстнаго лица, долженъ былъ быть пріостановленнымъ съ момента даже не вступленія, а уже избранія этого лица на какую-нибудь должность; если дальше вспомнить, что спеціально народные трибуны по римскому государственному праву признавы были совершенно неприкосновенными во время должностного года, что эта неприкосновенность гарантировалась имъ особенно торжественнымъ образомъ, то отрѣшеніе трибуна отъ должности, не за совершеніе какого-нибудь тяжкаго уголовного преступленія, а лишь за его убѣжденія, несогласныя съ мнѣніемъ большинства, надо признать, во всякомъ случаѣ, нарушеніемъ буквы закона.

Этотъ результатъ нашихъ разсужденій ничуть не измѣняется, если и придать значеніе тому—неосновательному, кстати замѣтить, для даннаго періода—возраженію, что народные трибуны не были магистраты, въ собственномъ смыслѣ, а лишь представители народа, избранные для защиты его интересовъ. Совершенно такъ же, какъ теперь избиратели, пославшіе депутата въ Государственную Думу, не могутъ лишить его, до истеченія его полномочій, депутатскаго званія, если онъ голосовалъ противъ ихъ желаній или перешелъ, скажемъ, изъ партіи октябристовъ къ прогрессистамъ, или изъ партіи крайнихъ правыхъ къ националистамъ, и римскій народъ не

могъ бы то лицо, которое онъ удостовѣлъ своего довѣрія быть защитникомъ своихъ интересовъ на извѣстный срокъ, устранить до окончанія этого срока и замѣнить другимъ, если дѣятельность этого лица оказалась несоотвѣтствующей ожиданіямъ и желаніямъ его избирателей. Въ обоихъ случаяхъ избиратели могутъ лишь разными средствами воздѣйствовать на своего представителя — увѣщаніемъ, угрозою, пожалуй, даже въ потаенномъ углу кулачной расправою — но вновь собраться и замѣнить его до истеченія срока другимъ, ни одна конституція въ мірѣ имъ не разрѣшаетъ, и совершенно основательно не разрѣшаетъ, ибо подобная конституція узаконила бы анархію.

Но если устраненіе трибуна отъ должности и не соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли, буквѣ римскаго закона, то можетъ быть, это устраненіе трибуна, дѣйствовавшаго явно противъ интересовъ народа, является актомъ, согласнымъ духу римской конституціи, какъ это утверждаютъ Нибуръ, Пельманъ и другіе?

Вѣдь бываютъ случаи, когда «*summum ius summa injuria*», и когда надъ мертвой буквою долженъ торжествовать живой духъ. Разсмотримъ и съ этой точки зрѣнія данный вопросъ. Организовавшемуся по четыремъ городскимъ кварталамъ или трибамъ плебсу, во времена оныя, разрѣшено было, послѣ упорной борьбы избирать себѣ по одному представителю по каждой трибѣ, который долженъ былъ въ случаѣ надобности заступиться за интересы отдѣльнаго плебея противъ произвола патриційскихъ магистратовъ. Чтобы это заступничество, эта помощь могла оказаться дѣйствительной, этимъ народнымъ трибунамъ предоставлена была совершенно исключительная неприкосновенность личности. Послѣ освобожденія крестьянъ и учрежденія сельскихъ трибъ коллегія трибуновъ увеличена была отъ четырехъ членовъ до десяти. Скромная ихъ сначала власть—*ius auxilii ferendi*—именно, въ виду неопредѣленности ея объема и отрицательнаго характера ея функцій, постепенно развилась, совершенно также, какъ аналогичный эфоратъ въ Спартѣ, до значительныхъ размѣровъ и степени весьма важнаго фактора въ государственномъ организмѣ Римѣ, и, съ момента уравниенія правъ плебеевъ съ патриціями, трибунатъ сталъ вполне государственной магистратурою со всѣми ея признаками.

Сохранялся, конечно, плебейскій, и въ силу историческаго развитія и оппозиціонный, отчасти, характеръ этой магистратуры, но съ тѣхъ поръ, какъ плебсъ сталъ господствующимъ элементомъ въ государствѣ—число патриційскихъ родовъ все болѣе и болѣе уменьшалось, и патриційство какъ таковое не играло болѣе никакой роли, а уступало свое мѣсто патриційско-плебейскому нобилитету—трибунатъ уже не могъ быть совершенно и не былъ органомъ защиты лишь приниженныхъ и обиженныхъ слоевъ общества, а въ силу вещей, представителемъ интересовъ всего государства, насколько оно было плебейскимъ. Отсюда объясняется и тѣсная связь, между прочимъ, трибуната съ сенатомъ, который пользовался неоднократно услугами трибуновъ и ихъ своеобразными компетенціями, какъ тормазомъ для сокращенія произвола магистратовъ, и какъ средствомъ для укрѣпленія республиканскаго корпоративнаго управленія, въ которомъ не было-бы мѣста для своеволія отдѣльныхъ администраторовъ. Эта связь трибуната съ сенатомъ вовсе не является извращеніемъ первоначальнаго смысла этого института, какъ полагаетъ Пѣльманъ, а совершенно естественной и неизбежной эволюціею, съ тѣхъ поръ, какъ трибуны были уже въ силу своего положенія членами сената.

Обыкновенно новые историки съ этимъ не считаются: по ихъ мнѣнію «рѣзко расходилось съ духомъ римской конституціи положеніе, когда народный трибунатъ, созданный для того, чтобы защищать интересы народа и не допускать чтобы правящій классъ злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, сдѣлался органомъ этого послѣдняго и защищалъ его интересы» (Фельсбергъ, о. с. 199). Противъ этого и тому подобныхъ взглядовъ слѣдуетъ замѣтить, что народный трибунатъ созданъ былъ для защиты интересовъ *плебса*, и съ тѣхъ поръ, какъ правящій классъ сталъ также плебейскимъ и по духу римской конституціи обязанностью трибуновъ вовсе не могло быть *заступничество за интересы одной части этого плебса и игнорированіе интересовъ другой его части*, а въ силу вещей ихъ обязанности должны были быть болѣе широкими, а именно заступничествомъ за общегосударственные интересы.

И если Тиверій Гракъ при лишеніи Октавія должности, какъ на рѣшающей моментъ указалъ на то, что не можетъ быть народ-

нымъ трибуномъ челоѣкъ, который выступаетъ противъ явно выраженной воли народнаго собранія и интересовъ большинства народной массы, то Октавій съ полнымъ правомъ могъ возразить, что его протестъ, по глубокому его убѣжденію, вызванъ защитою болѣе высокихъ интересовъ, чѣмъ интересы пестрой массы, собранной на форумѣ—интересовъ общегосударственныхъ. Не спору, что это убѣжденіе Октавія можно назвать ошибочнымъ и неправильнымъ, но совершенно не понимаю, какъ можно признать вмѣстѣ съ Пельманномъ, Фельсбергомъ и другими выступленіе Октавія «революціоннымъ». Въдъ Октавій пользовался лишь своимъ конституціоннымъ правомъ, своею интерцессіею временно лишь пріостановилъ рѣшеніе народнаго собранія и этой пріостановкою далъ ему возможность одуматься.

Если отстаиваніе личнаго убѣжденія закономъ предоставленными средствами, противъ воли сувереннаго народа, есть признакъ революціи, то конечно, каждый выдающійся государственный дѣятель не только въ Римѣ, и вездѣ и во всѣ времена можетъ удостоиться этого эпитета; но это такое своеобразное—мягко выражаясь — пониманіе условій государственной жизни и такое извращеніе общепринятой терминологіи, что дозволено будетъ съ подобнымъ мнѣніемъ въ дальнѣйшемъ не считаться.

Но помимо того, что протестъ Октавія ни въ чемъ не противорѣчилъ духу и смыслу того института, какимъ сталъ трибунатъ въ силу своей исторической эволюціи, лишеніе народнаго трибуна должности создало прецедентъ, который во всякомъ случаѣ не былъ согласнымъ съ духомъ римской конституціи, а напротивъ находился съ нимъ въ рѣзкомъ диссонансѣ. Мы уже видѣли, что римская конституція создала особыя гарантіи личной неприкосновенности трибуновъ съ цѣлью упрочить за ними рѣшительность и самостоятельность дѣйствій. Если съ этими гарантіями теперь не считались, если народное собраніе могло сегодня прогнать трибуна за эту самостоятельность дѣйствій, какъ негоднаго лакея, гдѣ же было ручательство, что завтра и сенатъ не будетъ считаться больше съ этой неприкосновенностью трибуна, и что властолюбивый оптимать, которому мѣшаютъ дѣйствія даннаго трибуна, не добьется путемъ тогда уже въ широкихъ размѣрахъ практиковавшагося подкупа, пу-

темъ угрозъ и другими средствами того, чтобъ случайно собравшаяся на форумѣ толпа, состоявшая, какъ извѣстно, изъ весьма пестрыхъ элементовъ, въ значительной степени даже иностраннаго происхожденія, и тѣмъ не менѣе считавшаяся представителями сувереннаго народа, чтобъ эта толпа—повторяю—отрѣшила отъ должности и этого трибуна? Этимъ прецедентомъ потрясены были основы до сихъ поръ дѣйствовавшей конституціи и, какъ со стороны буквы закона, такъ и со стороны духа римскихъ институтовъ поступокъ Тиверія Гракха, по отношенію къ Октавію, надо признать первымъ шагомъ по скользкому пути революціи.

Но ему,—такъ возражаютъ его апологеты,—не оставалось другого средства, если онъ не хотѣлъ навсегда отказаться отъ проведенія своихъ спасительныхъ для государства аграрныхъ мѣръ, не оставалось другого выхода изъ создавшагося положенія. Врядъ ли это такъ. Свое предложеніе внесъ Тиверій Гракхъ въ началѣ 133 года; вслѣдствіе заявленнаго протеста Октавія, голосованіе не могло состояться въ должностномъ году данной коллегіи трибуновъ, такъ какъ конечно можно было ожидать, что Октавій возобновитъ свой протестъ при каждой дальнѣйшей попыткѣ провести предложенный законъ. Но лѣтомъ 133 г. предстояли выборы новыхъ трибуновъ; что же мѣшало явному большинству народа избрать только такихъ кандидатовъ, которые дали бы ему ручательство въ томъ, что они поддержатъ предложеніе Тиверія Гракха? Уже въ іюлѣ судьба проекта могла быть рѣшена въ положительномъ смыслѣ и послѣ 10 декабря того же 133 года аграрный законъ могъ бы быть проведеннымъ въ народномъ собраніи. Получилось бы промедленіе, правда, въ десять мѣсяцевъ—но что значить это промедленіе въ сравненіи съ тѣмъ длиннымъ терпѣніемъ, съ которымъ другіе реформаторы должны были ждать осуществленія своихъ плановъ?

Но кто изучалъ психологію возбужденной массы, кто внимательно слѣдилъ за ходомъ событій у насъ напр. въ 1905 и 1906 годахъ, тотъ отлично знаетъ, что это отсутствіе терпѣнія, какъ у той, такъ и у другой изъ борющихся сторонъ, это желаніе непременно сейчасъ осуществить, безъ остановки, сломя голову, всѣ мечты и замыслы, есть самый характерный признакъ революціоннаго наст-

роенія, революціоннаго чада. Какимъ образомъ могло случиться, что реформаторъ съ умѣренной программю подпалъ подъ вліяніе этого чада, что революціонно настроенная толпа безповоротво увлекала и его, на этомъ намъ придется въ заключеніе нашей настоящей замѣтки *остановиться, потому что, на сколько я вижу, этотъ для оцѣнки дѣятельности Тиверія Гракха важный психологическій моментъ пока не затронуть ни его хулителями, ни его апологетами.* Но прежде намъ еще надо вкратцѣ прослѣдить тотъ небольшой жизненный путь, который суждено было пройти даровитому трибуну. Всѣ дальнѣйшія дѣйствія Тиверія Гракха какъ-бы логически вытекаютъ изъ этого перваго незаконнаго поступка со своимъ коллегою Октавіемъ, и служатъ подтвержденіемъ вѣрности поговорки: «il n'y a que le premier pas qui coûte»».

Его предложеніе, принятое безъ протеста въ народномъ собраніи, чтобы народъ самъ распорядился сокровищами наслѣдства пергамскаго царя Аттала и реализацію его завѣщанія, является прямымъ вмѣшательствомъ въ финансовыя компетенціи сената. Напрасно Пѣльманнъ въ оправданіе Тиверія Гракха указываетъ что эти компетенціи сената являются собственно узурпаціей, что финансовое управленіе сената было изъ рукъ вонъ плохое и партійное, и что осуществленіе народнаго суверенитета *требовало, чтобы народъ самъ взялъ въ руки завѣдываніе своими финансами.* Надо замѣтить, что финансовыя компетенціи сената существовали уже столѣтіями, никѣмъ до тѣхъ поръ не оспаривались и считались составной частью римской государственной конституціи, однимъ изъ краеугольныхъ ея камней. Лишить сенатъ этихъ функцій возможно было бы, поэтому, конечно, на основаніи правильно формулированнаго и проведеннаго закона, а не путемъ прямого насилия, какъ это сдѣлалъ Тиверій Гракхъ; и во вторыхъ, если и финансовое управленіе сената имѣло свои недостатки, то, безъ всякаго сомнѣнія, во сто разъ хуже было передать это управленіе въ руки совершенно случайно собравшейся на форумъ толпы, которая гордо именовалась народнымъ собраніемъ. Какія гибельныя послѣдствія для всѣхъ римскихъ провинцій, особенно для Азіи, имѣло это вмѣшательство народнаго собранія въ дѣла финансоваго управленія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи при Каѣ Гракхѣ, на-

столько общеизвѣстно, что объ этомъ не надо распространяться. Во всякомъ же случаѣ это вторженіе Тиверія Гракха въ область, которая до сихъ поръ подлежала вѣдѣнію сената, является новымъ нарушеніемъ до сихъ поръ дѣйствовавшей конституціи.

И третьимъ нарушеніемъ этой конституціи была его попытка получить должность трибуна и на слѣдующій годъ. И здѣсь группа ученыхъ, къ которой принадлежит напр. Фельсбергъ (о. с. 188), не находятъ состава нарушенія дѣйствующихъ законовъ; она указываетъ на то, что и до Тиверія Гракха законъ 342 года, по которому вторичное занятіе одной и той же должности возможно было только по истеченіи десятилѣтняго срока, нарушался, и что этотъ законъ не имѣлъ прямого отношенія къ трибунату, такъ какъ можно спорить о томъ, нужно ли въ народныхъ трибунахъ вообще видѣть магистратовъ. Но какъ воровство не становится добродѣтельнымъ дѣйствіемъ тѣмъ, что отдѣльный воръ можетъ указать на цѣлый рядъ до него совершенныхъ другими кражъ, такъ и нарушеніе закона государственнаго не превращается въ закономѣрный актъ тѣмъ, что то же самое нарушеніе имѣло мѣсто и раньше; впрочемъ, характернымъ образомъ Фельсбергъ указываетъ на одинъ только прецедентъ—на континуацію консулата въ 214 и 213 году, въ тяжелую годину второй пунической войны, когда вторичное избраніе дѣльнаго полководца было вызвано прямой потребностью государства. Что же касается указанія, что этотъ законъ не имѣлъ отношенія къ трибунату, то самымъ лучшимъ опроверженіемъ этого взгляда можетъ служить тотъ фактъ, что сама партія Тиверія Гракха признала отношеніе этого закона къ трибунату: ибо послѣ насильственной смерти Тиверія Гракха Папирій Карбонъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы трибунамъ разрѣшено было, безъ соблюденія десятилѣтняго промежутка, вторично занять эту должность: его предложеніе въ народномъ собраніи не прошло, но впоследствии, до трибуната Кая Гракха въ народномъ собраніи былъ проведенъ законъ, по которому, при извѣстныхъ условіяхъ, разрѣшалось бывшимъ трибунамъ непосредственно выставлять свою кандидатуру и на слѣдующіе годы.

Итакъ, какъ и въ прежде указанныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь не удалось попытки новыхъ историковъ доказать правильность и

закономѣрность образа дѣйствія Тиверія Гракха. Можно безусловно согласиться съ приговоромъ Пельманна о негодности тогдашняго сенатскаго режима, который довелъ страну до полнаго внутренняго разложенія, можно согласиться и съ тѣмъ, что это, такъ называемое легальное управленіе стоило того, чтобы быть ниспровергнутымъ, но нельзя при этомъ отрицать, что Тиверій Гракхъ своими дѣйствіями вступилъ на путь насильственной революціи и нельзя при этомъ утверждать, что Тиверій Гракхъ является на всемъ протяженіи своей дѣятельности лишь соціальнымъ реформаторомъ. Но неправы съ другой стороны и Э. Шварцъ и другіе, которые приписываютъ Тиверію Гракху соціаль-революціонныя тенденціи съ самаго начала, т. е. уже при выработкѣ своего аграрнаго закона. Мы, напротивъ, видѣли, что Тиверій Гракхъ выступилъ при началѣ своего трибуната съ умѣреннымъ, вполне продуманнымъ проектомъ аграрной реформы, которому сочувствовали довольно широкіе и вліятельные круги сенатской знати. Какъ и почему этотъ соціальный реформаторъ, въ борьбѣ съ оппозиціею за свой аграрный законъ, могъ стать и сталъ соціаль-революціонеромъ, это тотъ вопросъ, та психологическая загадка, на которой намъ слѣдуетъ въ заключеніе остановиться, потому что только ея разъясненіе даетъ возможность вполне правильно оцѣнить и освѣтить дѣятельность Тиверія Гракха.

Ключъ къ пониманію этой неожиданной и скорой метаморфозы героя драмы надо, конечно, искать, на первомъ мѣстѣ, въ характерѣ Тиверія Гракха. Наше преданіе на этотъ счетъ довольно скудно: между тѣмъ какъ традиція подробно останавливается на анализѣ характера младшаго брата, который въ ней вообще заслоняетъ старшаго, и особенно подчеркиваетъ его необузданную страстность, о характерѣ Тиверія Гракха намъ почти ничего не сообщается; но стоитъ вникнуть въ тѣ скудные, но весьма характерные образчики изъ его рѣчей, которые сохранилъ намъ Плутархъ, чтобы сразу убѣдиться, что, по крайней мѣрѣ, то впечатлѣніе, которое получается отъ чтенія біографіи Плутарха и которое въ большей или меньшей степени повліяло и на конценціи новыхъ историковъ, не можетъ соответствовать дѣйствительности.

Этот плутарховскій Тиверій Гракхъ—сентиментальный юноша, всецѣло подпавшій подъ вліяніе своихъ учителей-друзей, мечтающій, проливающій слезы и дающій себя безъ сопротивленія убитъ жестокими оптиматами, есть плодъ фантазіи риторической школы, которая этой концепціею рассчитывала возбудить сочувствіе къ своему герою. На самомъ дѣлѣ, какъ можно заключить изъ немногихъ остатковъ его пламеннаго краснорѣчія, самая выдающаяся черта его характера была та же неудержимая страстность, какъ у его младшаго брата.

Когда онъ, измученный и раздраженный оппозиціею противъ своего проекта, отъ котораго онъ, по своему глубокому убѣжденію ожидалъ возможнаго спасенія и обновленія государства, вдругъ и неожиданно, встрѣтилъ со стороны не яраго представителя лагеря оптиматовъ, а своего ближайшаго коллеги, который, казалось, былъ призванъ ему помочь, непреодолимое препятствіе для осуществленія своихъ плановъ намѣченнымъ порядкомъ, то эта страстность загорѣлась въ немъ и подавила всѣ другія соображенія; это неожиданное препятствіе, передъ которымъ онъ долженъ былъ-бы отступить, усилило еще его энергію, его стремленіе дойти до конечной цѣли. Если ему не разрѣшаютъ законнымъ путемъ осуществить необходимое—то тѣмъ хуже для его противниковъ; тогда онъ это осуществитъ во что бы то ни стало, не разбираясь уже въ средствахъ. Можно довольно часто наблюдать, что въ благородныхъ, но страстныхъ натурахъ, сильное нажиманье одной опредѣленной пружины имѣетъ вышеописанное послѣдствіе; волевая энергія концентрируется на достиженіи одной намѣченной цѣли, и всѣ остальные, въ нормальномъ состояніи рядомъ дѣйствующія соображенія и ассоціаціи, вполне заглушаются.

Вотъ съ наступленія этого психологическаго момента, вызваннаго по преимуществу спокойнымъ, законнымъ и упорнымъ протестомъ Октавія, Тиверій Гракхъ оставилъ путь социальнаго реформатора, чтобы стать на скользкій путь социальнаго революціонера; и съ этого момента и отшатнулись отъ него тѣ изъ его прежнихъ друзей и сторонниковъ, которые сочувствовали реформѣ, но ужасались революціи.

Но что Тиверій Гракхъ послѣ перваго ложнаго шага не могъ повернуть назадъ, не могъ опомниться, этому способствовала, помимо его личной страстности, еще другая существенная причина — настроеніе окружающей его атмосферы. Въ Римѣ за послѣднее время накопилось много горячаго матеріала, много было разоренныхъ, много недовольныхъ элементовъ, столица переполнена была поддонками общества. Достаточно было одной сильной искры, чтобы этотъ матеріаль загорѣлся. Этой искрой и служила агитація по поводу аграрнаго закона Тиверія Гракха. Его, какъ освободителя и спасителя, постоянно окружала эта толпа, состоящая изъ весьма сомнительныхъ элементовъ, она его сопровождала на форумъ и домой, она караулила его домъ.

Кто внимательно слѣдилъ за очень поучительными для историка событіями у насъ въ злополучные 1905 и 1906 годы, тотъ по собственному наблюденію знаетъ, какъ заразительно даже на сравнительно спокойныхъ людей подѣйствовала эта психологія массы, знаетъ, какъ революціонный чадъ отуманилъ способность спокойнаго разсужденія у лицъ, до тѣхъ поръ далеко стоявшихъ отъ интересовъ и борьбы политической жизни, а поэтому и правильно учесть это вліяніе революціонной атмосферы при безпристрастной оцѣнкѣ дѣятельности Тиверія Гракха.

Развертывается передъ нашими глазами драма, полная захватывающаго интереса. Благородный юноша выступаетъ съ программой реформы и оздоровленія своего разлагающагося внутри отечества; страстность его еще не окрѣпшаго характера, которая при встрѣчѣ неожиданныхъ, на видъ не устранимыхъ препятствій, съ особой силой загорается, — съ другой стороны вліяніе окружающей его среды является причиною психологической метаморфозы и превращаетъ благонамѣреннаго и умѣреннаго во своихъ первоначальныхъ цѣляхъ реформатора въ социаль-революціонера, который добивается достиженія своихъ плановъ уже съ явнымъ нарушеніемъ основъ государственной конституціи. Эта его незаконномѣрная дѣятельность вызываетъ реакцію, которая и здѣсь — какъ это обыкновенно бываетъ — во много разъ насильственнѣе и грубѣе революціи Тиверія Гракха, потому что эта реакція знаетъ только логику кулака, и благородный юноша искупаетъ свою вину насильственной, кровавой смертью.

Но проведенная имъ аграрная реформа реакціею пока не трогается, не отмѣняется; отчасти, конечно, потому, что реакція еще не чувствовала себя достаточно сильной для этого, но по большей части, несомнѣнно, потому что среди самой знати существовала довольно сильная группа, которая сочувствовала аграрной реформѣ, но, понятно, не могла одобрить тѣ средства, которыми Тиверій Гракхъ добивался ея осуществленія.

Даже консулъ 132 года Попилій Ленатъ, членъ экстреннаго суда надъ «заговорщиками» и приверженцами Тиверія Гракха, котораго, поэтому, привыкли считать яркимъ противникомъ реформы Тиверія Гракха, на самомъ дѣлѣ, какъ доказываетъ любопытная его надпись (C. I. L. I, 551) былъ ея сторонникомъ; текстъ этой надписи (*primus fecerit, ut de agro poplico aratoribus cederent pastores*) съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ, что «онъ первый заставилъ удалиться пастуховъ съ государственной земли въ пользу пахарей», и этимъ подчеркиваетъ, что онъ, осуждая революцію и революціонеровъ умѣетъ по достоинству цѣнить благотворное дѣйствіе аграрнаго закона Тиверія Гракха.

Пусть эта маленькая, но свѣтлая и отрадная черта послужитъ заключительнымъ штрихомъ на нарисованной нами картинѣ, на фонѣ которой благородныя побужденія такъ сильно затемняются человѣческими страстями, заблужденіями и преступленіями.

Э. фонъ-Штернъ.
